

ПРОБЛЕМА БЕСКОНЕЧНОСТИ ЯЗЫКА (ТЕКСТА) В ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОМ ПОДХОДЕ

Наталья И. Береснева

Пермский государственный университет, Россия

The author speaks about the relation of language (text) and *infinity* in poststructuralist's researches.

Традиционная проблема соотношения языка и реальности получает наиболее острую и философски теоретически сложную форму в аспекте «язык – бесконечность». *Способен ли язык, как конечное социальное явление, служить средством отображения бесконечной реальности? Иными словами, находится ли язык в отношении к бесконечности? Ставит ли язык человеческую мысль в отношение к бесконечному миру?* Или же следует считать, что построенный с помощью достаточно тривиальных (как в определенном аспекте он может быть понят) простейших звуковых явлений язык может быть средством воспроизведения лишь явлений непосредственно окружающего нас реального мира? Или, еще того более, он может быть средством условного, чисто знакового воспроизведения реального мира как «вещи в себе»?

Решением вопроса о конечности и бесконечности в языке исследователи занимались – если и занимались – мало и несистематично. Одно из философских течений, ставивших эту проблему – постструктурализм, дитя сосюрковского и постсосюрковского структурализма, приобретшего философско-идеологическое значение и давшего начало широкому движению, приведшему к радикальной переоценке мировой культуры.

В структуралистском подходе язык как систему знаков принято представлять в виде ряда уровней (Э. Бенвенист). Из небольшого числа единиц низшего уровня (фонем) путем последовательного перехода ко все более высоким уровням создается возможность на высшем уровне (текст) образовывать практически *бесконечное* число предложений. Однако такие схемы вызывают аналогию с бесконечным счетным рядом, «дурной» (Гегель) бесконечностью. В сравнении с потенциальной количественной бесконечностью язык ограничен, это все-таки счетное множество.

Потенциально структура языка в качестве средства познания может усложняться, его резервы огромны, он «избыточен», но ограниченные физиологические (артикуляционного аппарата, рецепторов) и психологические (объем памяти, внимания) возможности человека накладывают ограничения на количественную «неисчерпаемость» языка. Демонстрируя «бесконечность» языка, мы одновременно подчеркиваем ограниченность человека в использовании его возможностей, подводя тем самым к проблеме Канта «с другой стороны».

Проблема *конечного* человека и *бесконечного* мира еще более заостряется, если объективный мир представляется экстенсивно. Человек не смог бы схватить экстенсивную бесконечность мира, бесконечно превосходящую потенциальную мощь языка. Истинная бесконечность мира (экстенсивная и интенсивная) оказывается на несколько порядков выше, чем бесконечность языка, представленная в уровневой модели, и не может быть «схвачена» языком. Как бы ни были безграничны его возможности, язык как система знаков все равно остается конечным и не может «угнаться» за количественной и качественной бесконечностью мира.

Постструктуралистская «деконструкция» философских основ структуралистской лингвистики, поэтики, семиотики отчетливо выявила слабости и противоречия рационалистического подхода к языку.

Важнейшей чертой этого направления был отказ от принципа конструктивного единства и упорядоченности как конечного идеального состояния, как скрытой **сущности**, к которой стремится прорваться мысль через хаос эмпирического бытия. Во всяком феномене начинает цениться многосоставность, соприсутствие разнородных компонентов, тенденций. Подчеркивается необходимость сосуществования принципиально несогласованных между собой механизмов, интерференция между которыми придает результирующему процессу открытый, полностью непредсказуемый характер.

Не случайно поэтому оппозиция «структура – произведение» структуралистов уступает место оппозиции «произведение – текст» у постструктуралистов (Косиков 2000). Произведение – это телеологическая конструкция (типичный пример – литературное произведение). Произведение рассматривается одновременно и как произведение, и как текст. Под текстом понимается то, что можно прочесть помимо авторского замысла. Текст включает в себя интертекст¹. Интертекстуальность – это свойство текстов, заключающееся в их (или их частей) способности разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Интертекст в широком смысле – это вся культура. Это различные реминисценции, литературные, философские, инокультурные цитаты, которые в развернутом или скрытом виде присутствуют в тексте – вроде памяти, в атмосферу которой погружен автор и где стирается различие жанров.

Каноническое определение интертекстуальности принадлежит Ролану Барту: каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах (тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры). Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек.

Лишившись собственной смысловой интенции, произведение, по выражению С. Дубровского, превращалось в «зеркало без амальгамы», в прозрачную пленку, сквозь которую просвечивают смыслы, принадлежащие «отраженной» в этом произведении «реальности» (Dobrovsky 1966: 58).

Текст принципиально раскрыт, т.е. произведение всегда соотносится с другими, современными, или предшествующими, или даже будущими дискурсами: «...книга... закрыта, создана раз и навсегда, превратилась в принцип, в единицу, в закон, однако прочтению она поддается лишь тогда, когда мы учитываем ее потенциальную открытость в бесконечность» (Кристева 2000: 489).

Интертекстуальность нельзя рассматривать как чисто механическое включение ранее созданных текстов (или их элементов) в создаваемый текст. В концепции постструктурализма интертекстуальность связывается с положением «мир есть текст». Согласно этому положению, понятие «текст» увеличивает свой объем – вся человеческая культура рассматривается как единый текст, включенный в бытие. Все создаваемые тексты, с одной стороны, в основе имеют единый предтекст (культурный

¹ Понятие, предложенное Ю. Кристевой под влиянием идей М. Бахтина в 1969 г. (*Kristeva J. Recherches pour une sémanalyse / J. Kristeva. P., 1969*).

контекст, литературная традиция), а с другой стороны, в свою очередь, являются интертекстами, так как становятся явлениями культуры.

Человек, который создает произведение, актуализирует интертекст частично, подчиняясь своему замыслу. Созданный же текст не зависит от автора и его мнения.

В 1968 г. появились две небольшие работы французских философов, посвященные «смерти автора». Это статья «Смерть автора» Р. Барта и работа М. Фуко «Что такое автор?». Барт вводит противопоставление писателя-автора и писателя-скриптора. Автор воплощает надтекстовое мировоззренческое единство, которое воплощено в глубоко личностном начале. Это единство должно пронизывать все произведение. В современном (= постмодернистском) тексте автор умирает, остается скриптор. Скриптор только смешивает различные виды письма, сталкивает их друг с другом, создавая многомерное текстовое пространство, составленное из чужих цитат.

Большую определенность и ясность постструктуралистскому подходу к языку (тексту) придает понятие «письмо» (*écriture*), предложенное в работах Ж. Деррида и Р. Барта, которое представляет языковую деятельность как процесс, не имеющий ни начала, ни конца – бесконечный: каждое новое высказывание «пишется» поверх предыдущих. Барт объявляет, что суть письма не в создании дискретных сообщений, а в непрерывности, бесконечности процесса «переписывания» (Barthes 1984: 21-31, 72). Причем вывод Барта заключается в том, что источник текста располагается даже не в письме, а в чтении. Здесь важна позиция читателя, читатель превращается в соавтора, который может раскрыть скрытые реминисценции – на этом положении и основана идея постструктуралистского анализа – соотнесение произведения с общекультурным контекстом.

Таким образом, исходя из понятия языкового знака, разработанного Соссюром, – из идеи произвольности связи означаемого и означающего, постструктуралисты приходят к эффекту «рассеивания смысла». Отрыв означающего от означаемого позволяет смыслы, обусловленные контекстом анализируемого текста, отсылать не к реальности, а к другим смыслам, к интертексту. И этот процесс бесконечен, а прямого выхода на реальность содержание любого текста не имеет.

Семиотическая практика оказывается бесконечной гонкой, где одно означающее отсылает к другому. Возникает идея бесконечного освоения мира, но в «дурном» (Гегель) варианте: «Вследствие отсутствия центра или истока дискурса, вне системы различий нельзя установить никакого центрального, оригинального и трансцендентального сигнификата. Отсутствие трансцендентального сигнификата расширяет поле игры означивания до бесконечности» (Марков). «Безволие человека современной культуры, иногда становящегося пассивным наблюдателем бесконечного (даже уходящего в дурную бесконечность – нечто вроде "наблюдения за наблюдающим наблюдателем") преобразования, "сгибания" пространств мышления (в том числе порожденных самим "наблюдателем") друг в друга, обладает не только субъективной (субъектной), но и метафизической значимостью» (Руденко 1995: 133), поскольку природа «семиотического освоения» действительности, реальности «настолько опосредована, что это делает невозможным непосредственный контакт с ней» (Ильин 1996).

Ж. Деррида приходит к выводу, что целостный охват (мира, реальности) – тотализация – либо бесполезен, либо невозможен. *Невозможен*, если определить тотализацию как «эмпирическое усилие субъекта или конечного дискурса, тщетно растрчиваемое им на бесконечное богатство, совладать с которым он никогда не сможет» (Деррида 2000: 364). *Бесполезен*, если подходить к тотализации через понятие игры – не из-за того, что «бесконечность какого-то поля не может быть охвачена конечным взглядом или конечным дискурсом, а потому, что природа этого поля – т.е.

язык, притом конечный – исключает итоговую целостность: это поле на самом деле – поле игры, т.е. бесконечных подстановок в замкнутости некоего конечного множества. Это поле позволяет подобные бесконечные подстановки только потому, что оно конечно, т.е. вместо того, чтобы быть... неисчерпаемым... слишком большим, ему чего-то не хватает, а именно – центра, который останавливает и обосновывает игру подстановок» (Деррида 2000: 364).

Ю. Кристева акцентирует внимание на том, что «тотальность» (= бесконечность) осуществляется в поэтическом языке, для пишущего язык является потенциальной бесконечностью (как в концепции Гилберта): «Бесконечное множество (поэтического языка) предстает как множество осуществимых возможностей, причем каждая из них осуществима по отдельности, тогда как все вместе они реализации не поддаются» (Кристева 2000: 489).

Семиотика получает возможность ввести понятие поэтического языка как актуальной бесконечности: «Воспользовавшись гилбертовским понятием финитности, можно будет аксиоматизировать поэтический язык; это позволит избежать тех трудностей, с которыми сталкивается теория множеств, и вместе с тем применить к тексту понятие *бесконечности*, без которого невозможна удовлетворительная постановка проблем точного знания» (Кристева 2000: 489). Задача семиотики, по мнению Кристевой, в том, чтобы «любые конечные образования рассмотреть в их отношении к бесконечности, обнаружив такие значения, которые возникают из комбинаторики, присущей упорядоченной системе поэтического языка» (Кристева 2000: 489).

Интересно, что общеполитические установки постструктурализма не вылились в сколько-нибудь масштабное течение в конкретно-научных исследованиях языка. Хотя есть оригинальный вариант построения модели «повседневного» языка, основанный на общеполитической идее о языке-Еnergieja и ориентированный на концепции постструктуралистов, реализованный Б.М. Гаспаровым. Он считает, что в качестве элементарных строительных единиц – «монад языкового опыта» – выступают не твердо заданные элементы, слова или морфемы, а коммуникативные фрагменты – отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний.

Вся языковая деятельность человека пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта, выражениями, которые находятся в состоянии непрерывного движения. В отличие от структуралистских моделей, в подобном динамическом представлении языка нет никакой возможности (и необходимости) классифицировать нагромождение «кусков» языкового опыта, своих для каждой личности, в виде устойчивой упорядоченной системы, невозможно задать перечень коммуникативных фрагментов конечным списком и вывести правила, по которым возникают их варианты. Различные компоненты, входящие в языковую память, «просвечивают и отражаются друг в друге в бесчисленном множестве разных направлений» (Гаспаров 1996: 106). Оказывается, что создание нового высказывания невозможно без того, чтобы в нем так или иначе не проглядывало старое.

Таким образом, бесконечность языка Б.М. Гаспарову видится через «интертекст», через обращение к бесконечному «цитатному фонду» памяти, формирующемуся в повседневной языковой практике, зависящей от индивидуального опыта: «Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых» (Гаспаров 1996: 106). Каждое слово отсылает память к «интертекстуальным аллюзиям, подтекстам, перифразам» (Гаспаров 1996: 107), подобно тому процессу, который возникает при

восприятию художественного произведения и который описан теоретиками постструктурализма.

Однако несмотря на попытку движения в русле идеи языка-становления, языка-процесса, Б.М. Гаспаров остается в рамках принципиально традиционного для лингвистики представления о бесконечных возможностях языка (счетных, количественных, бесконечности перебора (контекстов)), оставляя в стороне представление об иных видах бесконечности.

Понимание языка скорее как коннотативной системы, сопрягаемой с когнитивными способностями человека, наделено в потенции большей объяснительной силой, чем понимание языка как системы денотативной. Однако преувеличение динамического компонента языка также чревато искажением реальной картины. Диалектический подход к языку, характерный для Гумбольдта, предполагал представление языка одновременно и как *Energieja*, и как *Ergon*, и как динамичного текучего, и как статичного, прерывного.

К такому выводу приходит О.Г. Ревзина (Ревзина 2004), которая замечает, что коннотативную семиотику выводили за пределы сферы научности вследствие непредсказуемости коннотаций, отсутствия в них иерархической классификации. Однако автор показывает, что на самом деле обе стороны языка находятся в постоянном взаимодействии, а «непредсказуемость» коннотативных смыслов относительна. Лингвистическое описание «грандиозного, нескончаемого и необузданного бурления дискурса» (М. Фуко, цит. по Ревзина 2004: 17) необходимо, однако есть и язык – всеобъемлющая структура, которая «стала самой ранней созданной человеком моделью Вселенной как таковой» (Л. Мамфорд, цит. по Ревзина 2004: 18). Последовательная деконструкция того, что составляет конструкцию или напоминает ее в любом исполнении (язык, культура), чрезмерная настойчивость на хаосе и текучести привела бы исследователей к парадоксу невозможности самой речи, высказывания, текста как дискретности, определенности, порядка.

Однако чтобы не впасть в очередной негативизм в отрицании отрицания самого постструктурализма, следует отметить, что его представители открыли новые перспективы в исследовании подвижности, динамичности и текучести явлений, особенно мира мыслей и его языковых воплощений. Но абсолютизация этой стороны мира явлений сделала их истину односторонней, чтобы быть абсолютной и объективной.

Отмеченная парадоксальность выводов свидетельствует о том, что необходим диалектический подход, в котором снимается в высшем единстве противоположность статичности, прерывности, постоянства и текучести, непрерывности, динамики. Необходима та диалектика, которую постструктуралисты активно отрицают за скрытую в ней идею тотальности, всеохватности и внутренней завершенности абсолютного центра, какой она предстает в гегелевской метафизике (Derrida 1972: 102). Следует отметить важность, актуальность взвешенного подхода к взглядам постструктурализма еще и потому, что выдвигаемая им идея деконструкции становится общественно опасной деструктивной силой, когда перестает быть только интеллектуальной «игрой» отдельных и «опускается» в массы (Дубровский 2001).

Библиографический список

- Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
- Дубровский Д.И.* Постмодернистская мода / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. 2001. № 8.
- Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. М.: Интрада, 1996.
- Косиков Г.К.* «Структура» и / или «текст» / Г.К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 3-49.
- Кристева Ю.* К семиологии параграмм / Ю. Кристева // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 458-517.
- Марков Б.В.* От опыта сознания к опыту бытия / Б.В. Марков // <http://anthropology.ru/ru/texts/markov/exconsc.html>.
- Ревзина О.Г.* Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. 2004. Вып.7.
- Руденко Д.И.* Философия языка: путь к новой эпистеме / Д.И. Руденко, В.В. Прокопенко // Язык и наука XX века. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995.
- Barthes R.* Le bruissement de la langue / R. Barthes. P., 1984.
- Derrida J.* Marges – de la philosophie / J. Derrida. P., 1972.
- Doubrovsky S.* Pourquoi la nouvelle critique? Critique et objectivité / S. Doubrovsky. P., 1966.
- Kristeva J.* Recherches pour une sémanalise / J. Kristeva. P., 1969.